

А.В. Марков

Значение теории перевода для осмысления социальной проблематики в современном мировом искусстве

Современное мировое искусство, посвященное преодолению социального неравенства и предотвращению этнических конфликтов, располагает средствами выразительности, среди которых есть перевод с текстового языка на визуальный. Такой перевод переносит "непереводимое" в область эстетических решений, часто основанных на каламбуре, а визуальное превращает в картографирование очевидного. Разрешением социального конфликта или катарсисом оказывается сам акт перевода. Критическое осмысление современных теорий перевода позволяет понять границы такого средства выразительности и созданные им возможности интерпретации текстово-визуальных проектов в современном искусстве, востребованных и в преподавании современного искусства на разных уровнях обучения.

Ключевые слова: теория перевода, социальная проблематика в искусстве, визуальное, выразительность

Современная теория перевода (translation studies) подразумевает, что если некоторые языковые содержания могут быть выражены визуально, при определенных условиях визуальное произведение может считаться переводом. Мы хотим выяснить, возможно ли образование при таком переводе, превращении нарративов и объяснений в визуальные проекты, продуктивной непереводимости. Этот вопрос был поставлен в одной из последних статей Джеймса Элкинса, рассуждающего о двойной невозможности глобальной теории искусства: в различных ре-

гионах мира не совпадают не только правила применения теории, к чему и как она прилагается, но и читательские привычки, которые требуют включать в число теоретиков в разных странах разных авторов и различные правила построения аргумента. Поэтому любая глобальная теория начинает “курировать деталь” [Elkins 2018: 89], иначе говоря, разбирать отдельные показательные примеры с использованием всех ресурсов речевой ясности, которые и позволяют глобальной аудитории этот пример понять. Но, замечает Элкинс, как и глобальный роман, продающийся во всех аэропортах мира, так и глобальная теория утрачивает способность к аллюзиям и игре слов.

Мысль Элкинса сама по себе может считаться просто наблюдением над поведением теоретиков, облегчающих себе задачу, если бы не те вызовы, которые никак не могут быть отринуты простым включением все новых теоретических положений в эту ситуацию глобальной переводимости. Достаточно одного примера из недавней статьи Люси Соуттер. Она рассказывает о китайском коллеге, который основывает свою фотоаналитику на интерпретации западного опыта, отличного от китайского. Этот коллега заметил, что основная тема западных фотографий — присутствие людей или их отсутствие, мы всегда можем по фотографии сказать, что здесь были недавно люди, или что здесь они могут быть, или что это увидено человеческим взглядом, а не машиной [Soutter 2018: 334]. Китайский фотоаналитик связал такую особенность с западной верой в боговоплощение: если Бог может присутствовать, полностью став человеком, значит, и знание об окружающем мире, в том числе лубое прямое схватывание этого знания, будет глубоко человеческим. Здесь важно то, что китайский собеседник говорит вовсе не об антропоцентризме, как бы ни толковалось последнее понятие, а об особой динамике фотографии, в которой и раскрывается эта непереводаемость. Наблюдатель из не-европейского мира может понять, что такое воплощение как идея, но при этом сама эта европейская позиция порождает для него некоторые языки, высказывания, — и фотография выглядит тогда чистой репрезентацией уже произведенного языка. Язык оказывается симптомом произошедшего вдохновения, но не системой репрезентации или порождения смысла.

О том, что такое симптоматическое восприятие языка может становиться основанием нового угнетения или дискриминации, говорят исследователи современных музеев [Song 2017], указывающие на саму проблематичность экспозиции, которая всех представляет равно, показывает достижения всех этносов и групп, но при этом само это экспонирование подчиняется курсу целесообразности или очевидной данности, который и работает в пользу господствующей группы. Более тонкий анализ произвела искусствовед и юрист Линн Пенро, обсуждавшая проект “За двумя одиночествами”¹. Хотя этот проект должен был показать значимость племенных местных языков наравне с двумя национальными языками Канады, выявляется [Penrod 2019: 119], что никто из участников и участниц проекта не смог реализовать языковое равенство как таковое, потому что племенной язык был ограничен либо временем (язык детства и детских воспоминаний), либо пространством (для общения с родственниками), либо как-либо еще социально маркирован. А учитывая (добавим), что умение говорить на языке является социальным маркером как в племенах, где, например, какие-то разговоры можно вести только мужчинам, так и в современном обществе, где правильный литературный язык — маркер социальной принадлежности, проблема не имеет решения до того, как перевод ограничивается только областью текстов, без выхода в визуальность. Чем больше художники превращают язык, родной или приобретенный, в инструмент выразительности, тем больше сам язык оказывается опрокинут в повседневность с ее структурами дискриминации, и перевод на визуальный “язык” не осуществляется.

В 2019 году вышли две статьи, в которых впервые был предложен инструмент, решающий эту дилемму: а именно, что предварительно имеющееся знание о языке, предубеждение, которое необходимо для того, чтобы взяться за материал искусства, делает перевод содержания на чисто визуальный язык невозможным, а только возвращает нас к готовому содержанию: к идее воплощения, как в случае китайца, или к идее принадлеж-

1 <https://canadianart.ca/features/beyond-two-solitudes/>